

Владимен Леонтьев

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ХРАБРОГО
ЕЙВЕЛЬКЕЯ

ПО МОТИВАМ ЧУКОТСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

СКАЗКА ПЕРВАЯ

*Как Ейвелькей Солнце добыл, Луну, звёзды,
Рассвет создал*

Так вот. Давно-давно все люди в темноте жили. Не было Солнца, не было Луны, ничего не было: мрак и темнота кругом. Люди ощупью ходили. Жил тогда в одном чукотском селении мальчик по прозвищу Ейвелькей-Сиротка. Жил он с бабушкой. Землянка их на отшибе стояла, была ветхой и холодной. Одежды у Ейвелькея не было. А когда надо было выйти на улицу, надевал он старый засаленный и залатанный бабушкин керкер — меховой комбинезон. Ростом он был мал, да и с чего ему расти, когда в доме никогда куска мяса, жира не водилось. Дадут что-нибудь жалостливые соседи — хорошо, нет — голодными с бабушкой спать ложились.

Однажды, когда бабушка крепко спала, вышел Ейвелькей из землянки. Видит — в темноте большая гора белеет. Любопытно стало. Пошёл к ней. Долго шёл. Вдруг заметил огонёк. Ближе

подходит — огонёк всё ярче и ярче. Поднялся на гору, а там огромная землянка-клегран стоит, наполовину в землю врыта. Из отверстия, что посередине крыши, яркий огонь светится.

Пробрался Ейвелькей через узкий подземный лаз в землянку и притаился у входа. Потом набрался смелости, приподнял край моржовой шкуры, которой вход был прикрыт, и увидел: под самой крышей большой красивый мяч висит и свет излучает, а рядом с ним чуть поменьше мяч, и тоже светится. По краям клеграна нары, на них келет — злые духи сидят и светящимися мячами любят. Страшно стало Ейвелькею: хотя и приняли келе облик людей, но лица у них синими полосами разрисованы, рты чем-то красным обведены.

И вдруг увидел Ейвелькей маленькую девочку. Грустная ходит она по клеграну в нарядной кухляночке. «Укралн, наверное, келе малышку, как они других детей воруют», — подумал Сиротка.

Постепенно привыкли глаза Ейвелькея к яркому свету. Залюбовался он мячами. Но тут девочка приблизилась к нему, и зашептал ей Ейвелькей, не показываясь из лаза: «Попроси мяч, попроси!»

Интересно стало девочке, кто это просит у неё мяч, и потребовала она у келе:

— Дайте мяч! Играть буду!

Встала нехотя с нар горбатая сморщенная старуха, отвязала мячик поменьше, дала девочке, а сама снова на нары забралась, чтобы оттуда любоваться большим мячом.

Только девочка мяч подбросила, как опять слышит: «Не этот. Вон тот, большой мяч проси!»

Понравилась девочке игра с кем-то невидимым. Бросила она мяч в сторону и крикнула:

— Не нужен мне этот, вон тот, большой мяч дайте!

— Нельзя, нельзя! Без света останемся, — сказал ей старый келе.

А Ейвелькей всё шепчет девочке: «Проси мяч! Проси! Заплачь!»

— Дайте мяч! Не дадите, умру, — нарочно разревелась девочка и упала навзничь, ногами задрыгала.

— Како, кыке! Ох, ох! — всполошились в клегране, к девочке бросились.

— Пусть! Отвяжите мяч скорее, а то умрёт, — сжалился старый келе.

Сняли мяч, дали девочке. И стала она его весело подбрасывать и любоваться им. И сама в своей нарядной одежде, как мяч, светится. Ейвель-

кею так и захотелось с девочкой в мяч поиграть. Но страшно: боится он злых келе.

«Вот здесь, поближе играй», — прошептал Ейвелькей малышке.

Встала девочка у самого выхода и играет в мяч. Подбросит его кверху и ловит. Красивые узоры переливаются на мяче, а пушистые шерстинки яркий белый свет излучают. Вдруг оступилась девочка и уронила мяч в отверстие. Подхватил его Ейвелькей, выскочил на улицу и бросился бежать.

— Како, како! Ой, ой! — испугались в землянке келе. — Мяч украли! — И бросились в погоню.

Бежит Ейвелькей что есть сил. Путается под ногами широкий бабушкин керкер, а духи-келе вот-вот нагонят его.

— Оо! — радуются преследователи, — сейчас схватим тебя!

Были у Ейвелькея рукавички, из собачьего меха сшитые. Снял он их и бросил под ноги бегущим. Вдруг слышит собачий лай. Обернулся, а это рукавички в собак превратились и задерживают преследователей.

Бежит Ейвелькей, а яркий свет от мяча в глаза бьёт, ослепляет. «Пусть кругом светло будет», — решил он. Оторвал от мяча пушистые кисточки, бросил их вверх, и вдруг — Луна на небе появилась. Сорвал с мяча кружочек нерпичьей шкурки, подбросил — и Солнце засветило. Распорол мяч — а внутри он оленьей шерстью набит. Подбросил шерстинки — звёзды по всему небу рассыпались. Засветились ярко Солнце, Луна и звёзды.

Прибежал домой и кричит бабушке:

— Эпэкей, бабушка! Проснись! Выйди из землянки!

Выглянула бабушка и чуть не ослепла от яркого света. Второпях сняла с Ейвелькея керкер, оделась быстро и побежала по всему селению, крича:

— Проснитесь, люди! Ейвелькей свет принёс!

Выбегали люди из землянок, жмурились от обилия и яркости света. И сразу всем веселее и радостнее стало.

А потом бабушка из обрезков нерпичьей шкурки сшила мяч — кэпыл, похожий на тот, о котором рассказал ей Ейвелькей. Наби-

ла она мяч оленьей шерстью, на шести сторонах кружочки нашила, а под них шерстинки пушистые вставила.

С тех пор в чукотских селениях в мяч играть стали, одна сторона селения с другой соревноваться. Кто отбирал мяч, тот самым ловким и сильным считался.

ВИИН ыТРЕЧ. ПОКА ВСЕ.

СКАЗКА ВТОРАЯ

Из голодного щенка не вырастет хороший пёс

Так вот. Добыл Ейвелькей Солнце, Луну, звёзды. Хорошо, светло на Земле стало. Но бабушке с Ейвелькеем по-прежнему плохо жилось. Еды у них в землянке не было, а от того, что теплился маленький огонёк в светильнике, вся землянка внутри покрывалась инеем, и даже местами сосульки вырастали.

Четыре родных дяди у Ейвелькея было. Трое, злые и жадные, не взлюбили сироту. «Сколько ни корми, не вырастет из него настоящий охотник», — рассуждали они. И лишь четвёртый дядя возражал им: «Ещё никто не видел, чтобы из голодного щенка вырастал хороший пёс». Он жалел Ейвелькея. Частенько давал кусочек мяса, жира, приносил лоскуток шкурки. И бабушка тут же нашивала на керкере очередную заплату.

Как-то вышел вечером Ейвелькей из землянки. Пошёл он охотничьей тропой по льду в море. Вдруг слышит — хрустит снег в торосах: охотник с моря идёт, нерпу тащит. Говорит ему Ейвелькей:

— Может, мне кусочек мяса достанется?

Молчит охотник, проходит мимо, словно нет перед ним никого. Это, оказывается, его старший дядя.

Идёт дальше грустный Ейвелькей. Снова охотника встречает:

— Может, мне кусочек достанется?

— Уйне, нет. Иди, у другого попроси,— отвечает второй дядя и проходит мимо.

Бредёт дальше Ейвелькей, встречает опять охотника:

— Может, мне кусочек достанется? — чуть слышно говорит он.

— У последнего попроси,— отвечает третий дядя.

А у четвёртого дяди не было нерпы. Выкатились из глаз Ейвелькея две слезинки и круглыми льдинками на снег упали.

Вдруг видит Ейвелькей не охотника, а Тень, на человека похожую. Идёт Тень, а скрипа снега не слышно. Подошла к нему и остановилась. Стоит перед Тенью Ейвелькей как маленький мышонок. Жалко Тени его стало.

— Сними-ка кожаную сумку с моих плеч.

Встал Ейвелькей на ледяной торос, кое-как дотянулся и снял сумку.

— Закрой глаза,— сказала Тень.

Зажмурился Ейвелькей и чувствует, как Тень надевает ему на плечи сумку.

— Открой глаза,— говорит Тень.— Иди домой. Подойдёшь к своей мясной яме-погребу, зажмурь глаза, высыпи всё из сумки. Закрой плотно яму и иди в землянку.— И Тень исчезла.

Постоял Ейвелькей, пошевелил плечами — сумка будто пуста, и пошёл к берегу. В землянку не заходит, прямо к мясной яме идёт. Отодвинул с трудом большую крышку из китовой лопатки, снял сумку и, зажмурив глаза, потряс ею над ямой. Зашёл в землянку, а бабушка запричитала:

— Зачем так поздно ходишь? Разве найдёшь еду в темноте?

Ничего не ответил Ейвелькей. А утром просыпается и говорит:

— Эпэкей, бабушка, пойди поскреби в мясной яме. Может, жирку наскребёшь? Очень уж есть хочется!

— Да нет ничего в яме, пуста.

— Ну сходи же, бабушка!

Надела бабушка керкер, взяла сумку, пекуль — плоский широкий нож, каким женщины-чукчанки мясо, жир режут, и пошла к яме. Подходит — а китовая лопатка приподнята, словно мяс-

ная яма чем-то до краёв заполнена. Открыла — а там какого только мяса нет. Растерялась бабушка и от радости не знает, за какой кусок ухватиться. Один возьмёт, а другой кажется лучше. «Да что же это я?» — спохватилась старушка. Отрезала она по кусочку от каждого, наполнила сумку — и бегом в землянку.

— Ейвелькей, Ейвелькей! — шепчет она, чтобы не услышали злые дядья. — Яма-то полна!

— Ка-а-комей! Оо-о! — удивляется Ейвелькей, а бабушка тем временем торопливо огонь разводит.

Светится огонёк в жирнике ровным ярким пламенем. Падают сосульки с потолка, тает иней на стенах. Тепло и уютно в землянке стало. А Ейвелькей теперь целыми днями около своей землянки в мяч играет.

Увидели как-то злые дядья бабушку Ейвелькея и спросили:

— Мей, старушонка, отчего это твой мышонок такой бодрый?

— От объедков ваших, — ответила бабушка.

Не поверили дядья и выследили, откуда берут Ейвелькей и бабушка мясо. Отобрали всё и оставили им лишь маленький кусочек моржового мяса. И даже мяч с собой прихватили.

ВИИН ЫТРЕЧ. ПОКА ВСЕ.

СКАЗКА ТРЕТЬЯ

Касатки-иньичикыт — ночные охотники

Так вот. Узнали злые дядья, что мясная яма у Ейвелькея с бабушкой полна еды. Отобрали всё и лишь маленький кусочек моржового мяса оставили. Как они, бедные, до лета дожили, только сами об этом знают. А летом стало легче.

Выйдет Ейвелькей ночью, когда бабушка спит, пройдёт по берегу реки к устью, насобирает рыбёшки-векын, листочки морской капусты, выброшенные волной, несёт бабушке.

— Вот, эпэкей, нашёл.

Рада старушка, что Ейвелькей такой заботливый. Добрым человеком растёт.

Проснулся однажды ночью Ейвелькей, вышел из землянки. Погода хорошая, тёплая стояла. Пошёл Ейвелькей по берегу реки. А речка тихая, спокойная. Вдруг слышит шум вёсел, словно лодка-байдарка движется.

И видит Ейвелькей — по реке касатки-иньичикыт плывут. Подплыли они к берегу.

— Мей, пошли с нами на охоту, — говорит старшая касатка.

— У меня нет дождевика-уккенчи. А бабушкин керкер замочу, — грустно отвечает Ейвелькей.

— Что ж, дождевичок найдём.

— Эвыр, ладно, — согласился Сиротка.

Достали касатки дождевичок. Надел его Ейвелькей и ещё смешнее стал: дождевик короткий, а из-под него широкие штанины бабушкиного керкера торчат.

— Не бойся! Садись! Сухим будет керкер!

Выстроились касатки на воде, словно люди в байдаре расселись: впереди касатка-гарпунёр, за ней парами шесть гребцов, а на корме — старшая. Вскочил Ейвелькей на спину одной из касаток, а старшая и говорит ему:

— Следи хорошо за гарпунёром, учись!

Понеслись в море касатки, рассекают острыми чёрными спинными плавниками волны, двигают бесшумно ластами, словно вёслами гребут. Кружатся над ними чайки, кричат радостно.

— Кыгите, смотри, — говорит рулевой. — Кит!

И верно. Вдалеке среди волн нет-нет да покажется фонтан, чёрная спина из воды всплывёт, а затем огромный хвост приподымется и тут же с шумом опустится. Брызги в стороны летят.

Страшно стало Ейвелькею, крепко ухватился за плавник касатки.

Подплыли они незаметно к киту. Всплыл кит, огромный, как землянка-клегран. Всадила касатка в него копьё. Бурлит вода,

кит в волнах бьётся. Наконец затих. Старшая касатка и говорит Сиротке:

— Вот так охотиться надо — всегда с добычей будешь.

Подтащили кита касатки к берегу. Разрезали они его на девять равных частей.

— Вот твоя доля, — показала старшая касатка на грудку китового мяса с жиром.

— Какоей, оо! — удивился Ейвелькей.

— Тагам! Ну, нам пора! — обратилась старшая к Сиротке. — Видишь, скоро солнце взойдёт, а мы только по ночам охотимся.

Отошли касатки от берега и поплыли вверх по реке. Там, далеко в горах, у них своё селение.

— Мей, дружок! — крикнула старшая касатка на прощанье. — Если надо, то зимой в горах найдёшь нас.

Скрылись касатки за поворотом. Тихо на реке стало. Стоит Ейвелькей и не верит случившемуся. Но грудка свежего китового мяса рядом на берегу лежит. Разрезал он большие куски на маленькие, перетащил всё в яму, а небольшой кусок китовой шкуры и мяса с собой в землянку прихватил. Наполнил мясом кожаную сумку, что в чоттагине-коридоре висела. Затем забрался в полог и разбудил бабушку:

— Эпэкей, поесть бы?

— Только что же? Разве кусочек ремня от моих торбасов пожуюшь?

— Пойди-ка, бабушка, поскреби в сумке!

Вышла бабушка и обомлела: сумка мясом и жиром до краёв наполнена.

ВИИН ыТРЕЧ. ПОКА ВСЕ.

СКАЗКА ЧЕТВЁРТАЯ

Не надейся на добрые существа, свою силу имей

Так вот. Стоит бабушка в чоттагине-коридоре и своим глазам не верит. Сумка из моржовой шкуры полна мяса, рядом дождевичок висит.

— С дядей поделиться надо, — говорит ей Ейвелькей. Позвали они доброго дядю и ему свежего мяса дали.

— Где ты кита нашёл? — удивился дядя.

Рассказал Ейвелькей, как ему зимой Тень помогла, а этой ночью — касатки-иньпчикит.

— Не каждую ночь будут встречаться добрые существа, самому надо быть сильным, — заметил дядя и вышел из землянки.

С приходом Рассвета-Тынагиргина дядя отправились в море охотиться, а Ейвелькей с бабушкой своим делом занялись. Старушка режет тонкими ломтиками китовую шкуру и складывает её в сумки. Днём сходит в тундру, наберёт корешков и листочков свежих и заливает их жиром. На одном мясе и жире не проживёшь, зелень тоже нужна.

А Ейвелькей тем временем в землянке в силе и ловкости тренируется: встанет в одних коротких штанишках во весь рост и старается прыгнуть так, чтобы до лба носками ступней достать. Но не получается сразу. Взмокнет, пот градом. Отдохнёт немного и снова тренируется.

Приходит как-то бабушка из тундры. Он и говорит ей:

— Смотри, эпэкей! — А сам намазал кончики пальцев на ногах сажей с жирника, встал во весь рост и прыгнул — на лбу так и остались следы пальцев.

— Кыке! Кыке! — удивляется бабушка.

Отдыхает бабушка, а Ейвелькей бежит к сопке. Выберет камень потяжелее, подымет вверх и опустит. И делает так до тех пор, пока руки дрожать не начнут. Отдохнёт немного, камень в руки — и бегом в гору. И так каждую ночь камни таскает, а днём в прыжках упражняется.

Проходит лето. И однажды утром он говорит бабушке:

— Эпэкей, позови-ка дядю! Пусть копьё и лук со стрелами возьмёт.

Пришёл добрый дядя, а Ейвелькей ему и говорит:

— Как ты сказал, так я и сделал. Пошли к сопке!

Зашли они с дядей за холм и остановились перед склоном.

— Копьё приготовь, тут встань, — и Ейвелькей отходит на двадцать шагов. — Бросай в меня копьё!

Не верит услышанному дядя, боится копьё метнуть.

— Тагам! Давай! — кричит смело Ейвелькей. — В меня кидай!

Метнул дядя копьё, подпрыгнул Ейвелькей, и копьё под ногами пролетело. Ещё раз метнул, Ейвелькей пригнулся — копьё над головой просвистело.

— Теперь из лука стреляй! — кричит Ейвелькей.

Навёл лук дядя, спустил тетиву, взвизгнула стрела и в руках Ейвелькея оказалась. Ещё раз пустил стрелу дядя, и снова на лету поймал её Ейвелькей.

— Гок ыннин! Вот так! — похвалил дядя.

Вернулись они в землянку, а бабушка вскрикнула в ужасе:

— Кыке вай, ох, в чём же мы ходить будем?!

И верно — на Ейвелькее от постоянных тренировок не керкер, а одни лоскуты остались.

ВИИН ЫТРЕЧ. ПОКА ВСЕ.

СКАЗКА ПЯТАЯ

Как поссорились Керэлыин с женой Ынены и что произошло с Ейвелькеем и бабушкой в тундре

Так вот. Остались от керкера одни лоскутки. Сшила их кое-как бабушка, залатала дыры. Но от этого в нём не стало теплее: вся шерсть вытерлась. Нашёл добрый дядя старые обноски — у самого-то тоже одежда плоха — дал их Ейвелькею. Думали Ейвелькей с бабушкой, что же делать? И решили идти в тундру

к людям, которые на диких оленей охотятся. Может быть, дадут они оленьих шкур на одежду.

И вот, когда уже стала подмерзать тундра, лужицы ледком покрылись, вышли из землянки Ейвелькей с бабушкой. Впереди старушка с посохом и сумкой за плечами. Сумка китовым мясом и жиром наполнена. Позади Ейвелькей с такой же ношей.

Идут по тундре, через кочки перешагивают, камни острые обходят, чтобы не протереть подошвы меховых сапог — торбасов. Тяжело бабушке. Пройдёт немного и присядет на корточки, отдохнёт — и снова в дорогу.

Удивились злые дядя, почему это старухи и Ейвелькея не видно: может, умерли они с голоду наконец? Отправились к землянке, подходят, а дверь китовым ребром подперта. В яму заглянули, а она полна мяса.

— С келет-злыми духами дружбу водят! — взревели они. И вдруг следы увидели. — Ага-га, в тундру пошли!

Разозлились страшно дядя. Приказал старший своей матери насрать на ушедших пургу: искусна была в шаманстве-колдовстве старуха. Села старая у очага. Загремел в руках бубен:

— А-а-а кы-ка! А-а-а кы-ка! — запела она и стала просить Духа холодного ветра-великана, что живёт на краю земли: — А-а-а-кы-ка! Поссорь мужа Керальгина — Северо-Западный ветер с его женой Ынены — Южным ветром. Пусть они устроят состязание языками! А-а-а-кы-ка!

Послушался Дух холодного ветра. Послал гулять Керальгина с женой Ынены, а Хозяйку ветров заставил огромной китовой лопатой с яранги снег сбрасывать.

Несутся с разных сторон навстречу друг другу Керальгин и Ынены. Хотят встретиться, но разгоняются так, что пролетают мимо, и ещё злее становятся. Гудит Керальгин, завывает Ынены. Бросает снег Хозяйка ветров без устали. Подхватывает его Ынены и в дождь превращает. Встречается Керальгин и из дождя снова снег делает и по земле несёт...

Далеко ушли Ейвелькей с бабушкой, а жилья никакого не вид-

но: голая тундра кругом. Вдруг задула Ынены — дождь пошёл, намочил керкер у бабушки, а Ейвелькей дождевичок надел. Притихла Ынены, задул Керальгин — смёрзся керкер, дождевичок от мороза потрескался. Забрался Керальгин через дыру в бабушкин керкер, обжёл её холодом, наигрался вволю и вышел в другую дырку. Потом под дождевичок к Ейвелькею забрался.

— Око-ко-ко! — хохочет Керальгин.

— Иги-и-и-и! — налетела рассвирепевшая Ынены. Оттаял керкер, а дождевичок по клочкам разнесло.

— Кы-ы-ррым! Не-е-т! — не хочет уступить жене Керальгин. — Пусть в льдины превратятся! — И снова набросился на бабушку с Ейвелькеем.

Не поддаётся Ейвелькей злomu Керальгину, машет руками, бежит вокруг бабушки. А бабушка на месте стоит, ни рукой, ни ногой двинуть не может: керкер ледяной коркой покрылся.

— Эпэкей! — кричит жалобно Ейвелькей. — Пошли, эпэкей, дальше! Тагам, давай! Пошли! — И хватает её за рукав и тянет. А бабушка уже в глыбу льда превратилась...

ВИИН ЫТРЕЧ. ПОКА ВСЕ.

СКАЗКА ШЕСТАЯ

Пичгучин — Хозяин тундры

Так вот. Превратилась бабушка в глыбу льда. Ейвелькей с места её сдвинуть не может. А Керальгин с женой Ынены ещё сильнее ругаться стали.

— И-и-кы-ка! — вдруг слышит Ейвелькей, как кто-то жалобно стонет. — Замерзаю я! Согрей! И-и-кы-ка!

Смотрит — а это маленький человечек в мокрой кухляночке из мышиных шкурок у самых его ног стоит. Поднял Ейвелькей человечка и спрашивает:

— Микигыт? Кто ты?

— Пичгучин я. Хозяин тундры.

— Как же ты здесь оказался?

— Залила Ынены мою норку водой,
а Керальгин заморозил, снегом засыпал.
Вот и не могу в жилище попасть.

Холодно Ейвелькею, стужа до костей
пробирает, но сунул за пазуху оледенев-
шего Пичгучина, прижал к груди и чувст-
вует, как его кухляночка оттаивать стала,
вода по телу побежала.

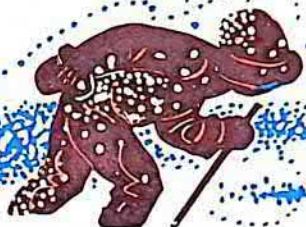
— И-и-гы-гы! — дрожит теперь сам от
холода Ейвелькей.

— Беги к холму, — говорит Пичгучин.

— Как же я бабушку брошу?

— Поднеси меня к ней!

Поднёс Ейвелькей к самому уху бабушки
Пичгучина. Прошептал тот что-то, и заша-
гала бабушка, одними ногами лишь двигая.
Поднялись на холм, а там магны — разоб-
ранное жилище, сверху ретемом — покрыш-
кой из оленьих шкур накрыто. Забрались

они под ретем. Тёпло стало. Оттаяла
бабушка, отогрелся Пичгучин. Выпустил
его Ейвелькей, и тот юркнул в нору.

— Кыке вай! Ох же, будто спала, —
вздохнула бабушка и стряхнула с ресниц
оттаявшие льдинки.

Устала наконец Хозяйка ветров кидать
снег лопатой. Разогнались последний раз
навстречу друг другу Керальгин и Ынены,
промахнулись и разлетелись в разные сто-
роны, так и не решив, кто из них прав.

Тихо стало кругом. Согрелся Ейвелькей,
выглянул из-под ретема и залюбовался
звёздами.

Унпенер — Полярная звезда как кол посе-
редине неба стоит, ярко светится. Раски-
нула она свои лучи-ремешки в разные
стороны, замигали на концах другие звёзды

и зажили, как люди, своей жизнью. Вот Рультеннин-Орион натянул лук и пустил стрелу в убегающих девушек. Рассердился на них горбатый Рультеннин: ни одна из девушек не согласилась стать его женой. Через всё небо пролегла Песчаная река-Чыгей-вэзм. Спешат девушки перебраться на другой берег, пока Рультеннин новую стрелу вкладывает: первая-то в кочках застряла.

Любуется Ейвелькей звёздами, а бабушка под ретемом хлопочет. Приподняла крышку, поставив стойку, достала деревянное огниво, стала огонь трением добывать и вдруг ужаснулась:

— Ка-ко! Что же это я, старая, делаю? Свой огонь в чужом жилище развожу! Не принято так, хозяев обидеть могу, — и тут же отложила огниво в сторону.

Светлеет восток. Тынагиргин-Рассвет просыпается. Тают звёзды, словно льдинки в тёплой воде. Выглянуло Солнце-Тиркытир, улыбнулось Ейвелькею, как старому знакомому, и поехало по небу на трёх белых оленях: два в упряжке, третий рядом, запасной. Тундра вся снегом покрыта, белая-белая. Вдруг видит Ейвелькей — три чёрные точки с соседнего холма в ложбину спускаются. Вгляделся — люди.

— Эпэкей! Бабушка! — закричал он. — Смотри, идёт кто-то! Выглянула бабушка и сказала:

— Хозяева яранги, наверно, возвращаются.

Показались на склоне холма люди. Впереди женщина в широком керкере с посохом и ношей за спиной, за нею — двое мальчишек. Такие же, как Ейвелькей. «Сироты, как и мы, наверное», — решила бабушка.

— Верно, верно, — раздался из норки голос Пичгучина. — Бедные они, я им тоже помог. Они от голода чуть не умерли. — И скрылся в норке.

— Еттык! Пришли! — приветствовала бабушка пришедших.

— Ии, мытьет! Да, пришли! — ответила женщина и, тяжело вздохнув, присела на корточки. Мальчишки рядом встали.

Смотрят мальчишки на Ейвелькею с любопытством. Подошёл один и дёрнул его за рукав.

— Ну что ж, давай! — храбро ответил Ейвелькей и скинул с себя кухлянку. Мальчишка тоже разделся до пояса.

Схватились они и начали бороться. Изловчился Ейвелькей, отступил на шаг и мальчишку через себя перебросил.

— Какоей! Ловкий ты!

— Теперь я! — вышел второй мальчишка. И не успел даже схватиться с Ейвелькеем, как на снегу оказался.

— Будь нашим другом, — сказали мальчишки.

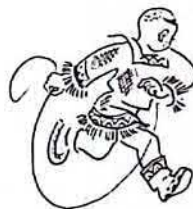
Впервые такие слова слышит Ейвелькей. Согласился.

А бабушка с женщиной тоже разговаривают, о горестной судьбе своих сирот рассказывают друг другу.

ВИИНЫТРЕЧ. ПОКА ВСЕ.

СКАЗКА СЕДЬМАЯ

*Ейвелькей с друзьями, как волки,
быстроногими становятся*

Так вот. Нашёл себе друзей Ейвелькей. А бабушка всё слушает, что рассказывает одинокая женщина.

— Жили мы в тундре. Летом на диких оленей охотились, а зимой на берег моря выходили. Муж нерпу, лахтака промыслял. Однажды весной ушёл в море и не вернулся больше. Тяжело нам стало. Хорошо, Пичгучин помог: показал, где мышиные стада находятся. Так всё лето мышами да евражками детей и кормила. Осенью холодно стало, вот в тундру к своему жилищу и вернулись...

— Кыке вай! Ох же! — всполошилась бабушка. — Голодные вы, а я, глупая, все новости хочу узнать, не накормив вас, — и тут же стала торопливо развязывать свою сумку.

Пока бабушка еду готовила, женщина огонь развела. Перед тем, как за еду приняться, кусочки китового мяса и жира у норки положила.

— Пусть Пичгучин тоже поест, — сказала женщина. После сытной еды в тёплом жилище хорошо стало. Но не принято мужчинам без дела сидеть.

— Атау! Пора диких оленей искать, — сказал старший мальчик.

— Что ж, — согласился Ейвелькей.

Достали они чааты-арканы, ножи на пояса повесили и пошли. Вдали гора виднеется.

— Туда пойдём, — сказал старший.

Идут по заснеженной тундре мальчишки. Длинные чааты за ними по земле тянутся. Увидят, веточка из-под снега торчит, сматывают чааты ровными кругами, взмахнут ими и ловко петлю накинута. И так всё время упражняются. Попробовал Ейвелькей — не получается, нет ловкости в метании чаата.

— Ничего, научишься, — успокаивают его братья.

Пока шли, темнеть стало. Из-за горы пол-луны показалось. Вдруг видят они — какие-то тени мчатся по склону: одна впереди, три парами следом, а потом ещё одна.

— Смотрите-ка, как касатки-иньчикы бегут, — нисколько не испугавшись, говорит Ейвелькей.

Повернули тени к ним.

— Како, како! Оо, наш дружок старый! — узнали ночные охотники-касатки Ейвелькея.

Оказывается, зимой они в волков превращаются и живут в горах.

— Вот в нашу зимнюю страну пришли вы, — говорит вожак стаи Ины. — И мы хотим помочь вам. Олени дикие там, за горой. Вы тут в камнях притаитесь, мы стадо подгоним, отобьём часть. Ловите, не зевайте, — и бесшумно понёсся дальше, а за ним ещё семь волков.

Притаились мальчишки в камнях. И вдруг задрожала тундра — огромное стадо диких оленей на них мчится. Вскочили они на ноги быстро, а стадо в сторону повернуло. Но тут волки в него врезались и откололи часть оленей. Кружатся на месте обезу-

мевшие животные. С одной стороны волки сдерживают, с другой — люди. Свистят чааты в воздухе, падают петли на рога оленей. Ейвелькей еле успевал пожом закалывать. Много туш на снегу лежит. Устали мальчики.

— Веным! Хватит! — сказал старший.

Пронёсся Ины-вожак со своей стаей и скрылся за бугром. Взвалили на плечи мальчики по туше, к яранге пошли.

— Кыке вай! Ох, еды-то, еды-то сколько! — ахнула бабушка.

— И одежда будет! — обрадовалась одинокая женщина.

— Там ещё есть, — кивнул головой старший мальчик.

Переносят мальчики оленьи туши. А женщины тут же свежую их, мясо и внутренности отдельно кладут, шкуры на снегу расстилают.

— Эпэкей! Бабушка! — обратился Ейвелькей. — Ыммемы! Мама! — сказали мальчики. — Сшейте нам по десять пар торбасов. Да покрепче.

Сшили женщины и торбаса, и одежду новую. Да ещё красивыми узорами из оленьей шерсти расшили. Засветло встают мальчики, надевают кухлянки и торбаса. Выходят из яранги и целыми днями с длинными палками в руках в бегах упражняются. И так каждый день. Одни торбаса прохужатся, вторые надевают, эти сносятся, третью пару берут. По застругам, камням, твёрдому и рыхлому снегу бегать учатся. А чтобы мускулы на ногах крепче стали, сшили им женщины мешочки из кожи, и мальчики наполнили их галькой, привязали к икрам. Пусть ноги к тяжести привыкают.

И когда мальчики сносили по десятой паре торбасов, встретили они вожака волчьей стаи Ины.

— Ну-ка, друг Ины, давай состязаться! — сказал Ейвелькей.

— Мои ноги тоньше, легче ваших! — ответил волк. — Не угнаться вам за мной.

— Посмотрим!

Помчались они по тундре.

— Гек, гек! — подбадривают друг друга мальчики.

А Ины всё шире и шире прыжки делает, несётся, лапами едва снега касается, словно по воздуху летит. Обгонять стал. Тогда скинули на ходу мальчики с ног мешочки с галькой и, как птицы, по воздуху понеслись.

— Оо, не уступите в быстроте мне! — вскрикнул Ины и отстал от них. — Теперь сами диких оленей догонять сможете. Атау! — попрощался он и исчез.

С тех пор стали мальчики по очереди у горы дежурить. Держат полудикое стадо, сами всё время, как олени, бегают. Еле успевают им женщины обувь шить.

Сказала однажды женщина:

— Ох, тяжело вам! День бегае, ночь бегае. Не спите, силу потеряете. Подгоните-ка стадо к яранге.

Подогнали мальчики стадо.

— Разделите его, отбейте всех слабых телят и молодых оленей. Одних крепких вожаков оставьте, — советует женщина. Отбили мальчики вожаков, остальных оленей отогнали.

— Теперь заарканьте каждого и по небольшой палке-рогатке к шее привяжите.

Два дня и две ночи мальчики вылавливали оленей, палки-рогатки к шеям привязывали. Наконец всех переловили.

— Отпустите их, — говорит женщина.

Отпустили мальчики вожаков. Рванулись было они в тундру, но бежать не могут: палки-рогатки с шеи свисают, по ногам бьют. Укротили свой бег вожаки, шагом пошли, а за ними всё стадо.

— Спите теперь, отдыхайте. Стадо далеко не уйдёт.

ВИИН ЫТРЕЧ. ПОКА ВСЕ.

СКАЗКА ВОСЬМАЯ

У человека должно быть имя

Так вот. Укротили свой бег вожаки, стадо шагом пошло. Спят мальчики, отдыхают.

Сидят женщины в чоттагине, веточки кустарника в очаг подкидывают, а сами руками шкуры разминают, одежду, обувь шьют для мальчиков.

— Пусть отдохнут оленное счастье нашедшие.

— Ии-кун, верно. Пусть отдохнут, — поддакивает бабушка женщине и горько вздыхает: — Только плохо вот, имён не имеют, одно прозвище у них — сиротки. У каждой травинки, цветка своё имя есть, у птиц — тоже. Даже камни и те по-разному называются.

— Кэйвэ, верно, — соглашается женщина. — Мой старший бегун хороший, оленей добыл. Назовём его Каанто — от оленей пришедший. Второй тоже ему в быстроте не уступит. Его назовём Каанталин — за оленями ушедший.

— Ии, да, — не стала возражать бабушка.

Не заметили женщины, как ночь прошла. Тынагиргин-Рассвет появился. Поблекли звёзды. Поднялся Тынагиргин, а за ним следом Тиркытир-Солнце вышло. Бросило оно свои первые лучи на сопки, тундру, а один в ярангу заглянул.

— Кыгите, смотри, — говорит бабушка, — Солнце пришло. Пусть мой сиротка Тиркыетом будет — от Солнца пришедшим. Он же Солнце принёс.

— Кыке вай? Разве?

— Ии! Да-да! Это он отобрал Солнце у злых духов — келе.

— Вот как? — удивляется женщина.

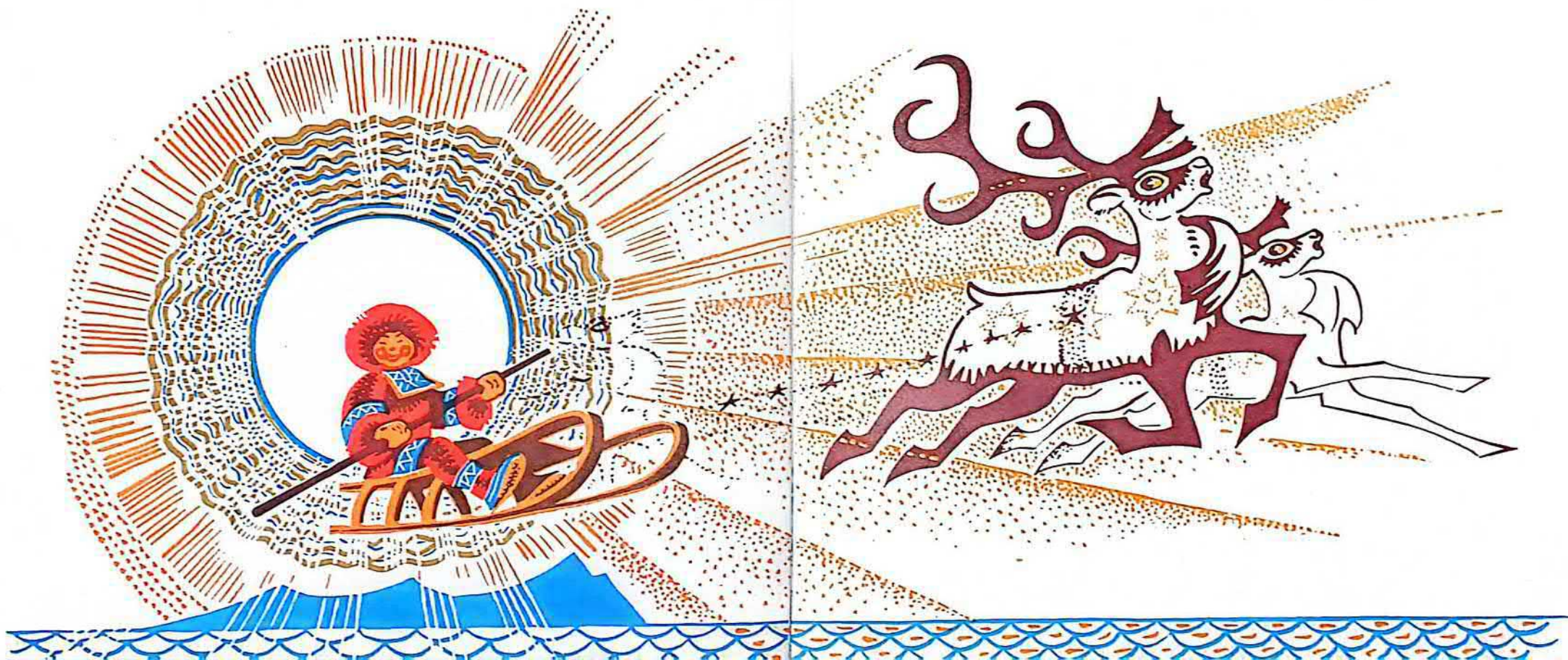
Проснулись мальчики, услышав, как женщины разговаривают, высунулись из спального полога.

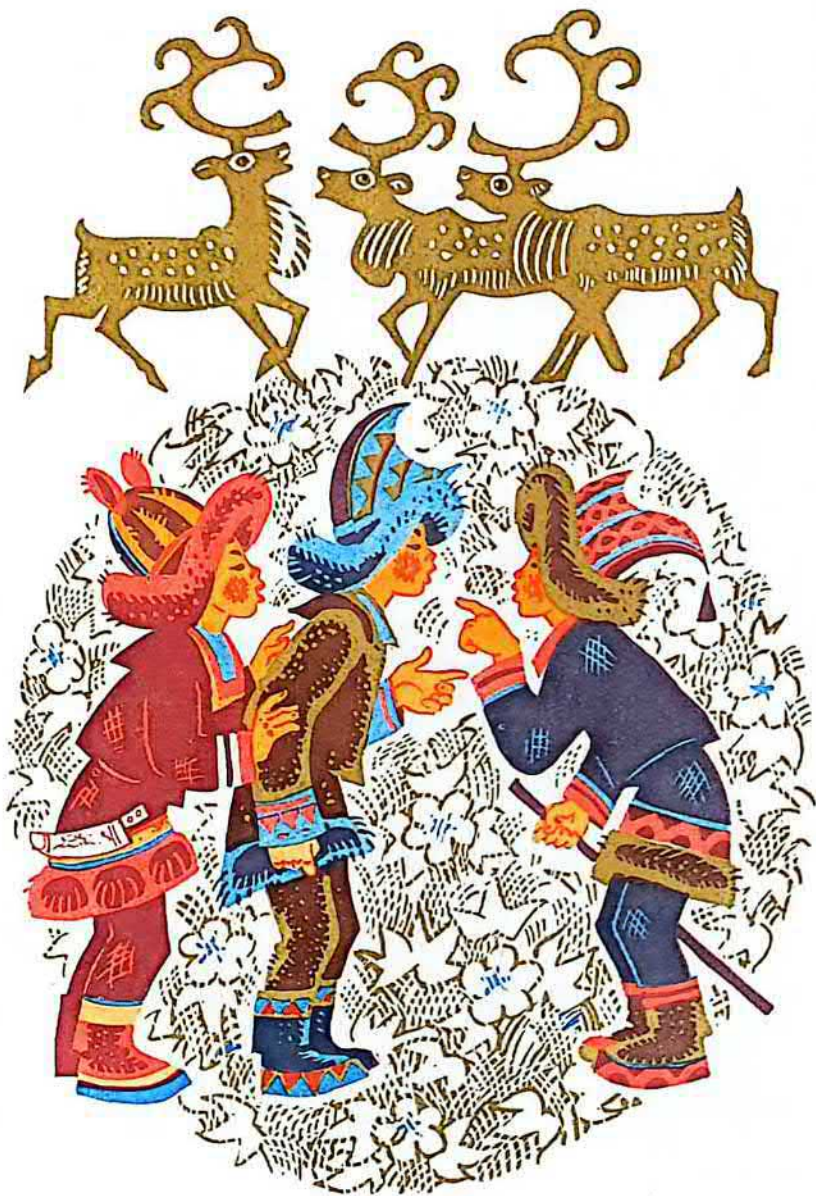
— Смотри, Каанто проснулся, Каанталин тоже, — впервые называет своих детей по именам женщина и подаёт им торбаса.

— А твой брат, Тиркыет, давно уже на улице гуляет, — ласково говорит бабушка Ейвелькею. — Теперь ты Тиркыетом будешь, — и тоже подаёт ему новые торбаса.

Смотрят мальчики друг на друга, словно впервые видятся. Никто никогда их не называл ещё по именам.

— Ну что ж, пусть так будет, — сказал Каанто. — Пойдёмте, стадо посмотрим.

Пошли они к стаду. Идут уверенно, как хозяева тундры. За плечами у каждого чаат. Смотрят им вслед женщины и не нарадуются. Настоящие люди растут.

Олени по склону горы, как мелкие камешки, рассыпались. Увидели людей, рванулись, но не тут-то было: палки-рогатки бежать не дают.

— Этки, плохо, — говорит Каанто, — весь мох выбили. Не будем мешать, пусть стадо само идёт, корм ищет. Далеко не уйдёт. Мы следом двинемся.

Вернулись обратно.

— Ыммемы, мама, кочевать надо, — говорит Каанто. — Мха здесь нет. Олени отощать могут.

— Ну что ж, — согласилась мать. — Только вот наши гости на берег, к морю хотят вернуться, — кивнула она головой на бабушку.

— У моря родилась я, у моря и умру, — сказала бабушка.

— Бабушку не брошу, тоже к морю пойду, — сказал Ейвелькей.

Несколько дней и ночей шили женщины одежду в дорогу, шкуры готовили. Бабушка себе новый пёстрый, с белыми пятнышками керкер сшила. Женщина Ейвелькею верхнюю и нижнюю кухлянки сделала, несколько пар торбасов сшила. А на дорогу ещё шкур и мяса им дали.

— Ка-а-ко-мей! — залюбовалась бабушка своим внуком, когда он новую кухлянку надел. — Я и не знала, что ты такой красивый!

— Аттау! Пора, мы пойдём! — сказал Ейвелькей и взвалил на плечи огромную ношу.

— Что ж, — сказал Каанто. — Жалко с друзьями расставаться. Но осенью, когда шкура у оленей ещё тонкой будет, а шерсть крепкой станет, встретимся снова. Аттау, идите!

И пошли они с бабушкой домой, к морю.

А чукчи с тех пор так и стали называться: одни — чаучу, которые оленей выпасали, по тундре кочевали, другие — анкалины — в море зверя промышляли, жили оседло.

ВИИН ЫТРЕЧ. ПОКА ВСЕ.

СКАЗКА ДЕВЯТАЯ

Как победил Ейвелькей Эрмечина-Силача

Так вот. Пошли Ейвелькей с бабушкой домой к морю. Она впереди, он за ней следом.

А там на берегу злые дядя радуются, думают, что нет в живых Ейвелькея с бабушкой. На двух нищих в селении меньше стало.

— Ловко старуха на них пургу наслала. Га-га-га! — смеётся на всю землянку Эрмечин, старший дядя. — Здорово она духов Керальгина и Ынены вызвала!

Такую пургу устроила, какой сам никогда не видел! И-гы-гы!

— А ты, — вдруг закричал он на своего младшего брата, — иди теперь и живи там, где жили нищие Ейвелькей со старухой!

Никогда такого не было, чтобы родного брата из своего жилища выгоняли. Перебрался бедняга с больной женой в землянку Ейвелькея. А чтобы теплее было, прокопал он в ней подземный ход.

Совсем обленился старший дядя. Перестал даже на охоту ходить. Целыми днями лишь в силе тренируется да ест, сколько может. Потом лежит на мягких шкурах, живот гладит:

— Пусть мускулы отдыхают, силу копят. И-гы-гы!

А как увидит охотников, с добычей возвращающихся, выходит из землянки и всё отбирает у них. Вот и прозвали его люди Эрмечин — Силач-наильник.

Потом и из землянки выходить перестал Эрмечин. Ушами слышит, носом чует, кто с добычей идёт.

— Сходите! Отберите! — кивнёт лишь головой своим братьям, которые у него, как слуги, покорные, послушные стали.

Умерла от голода жена доброго дяди. Отнёс он её в тундру, обложил камнями и оставил.

Пошёл он однажды на охоту. Убил большую нерпу. Решил тайком в темноте вернуться, чтобы не отобрал добычу Эрмечин. Подходит к землянке и видит — огонёк светится, дымок идёт.

— Кто это? — испугался он.

Подошёл поближе и услышал, как Ейвелькей с бабушкой разговаривают. Втащил поспешно нерпу.

— Ка-а-ко-мей! Еттык! Оо, вернулись! — обрадовался он.

— Ии, пришли мы, — ответил Ейвелькей. А старушка тут же стала нерпу разделывать.

Не успел добрый дядя узнать все новости, как прибежали злые дядья:

— Эрмечин сказал, нерпу к нему несите!

— Нет! — ответил Ейвелькей. — Бабушка уже разрешила её. Убежали дядья и тут же вернулись:

— Приказал, пусть и такую принесут! Старухе-матери меньше работы будет.

— Мясо уже в котле варится, — ответил Ейвелькей.

Зашатались столбы в землянке, задрожал от злости Эрмечин: опять этот Ейвелькей со старухой вернулись!

— Старая! — закричал он на свою мать. — Не могла на них настоящую пургу наслать! Нет силы в твоей болтовне!

Оделся быстро. На пояс небольшой нож повесил, а за плечи закинул огромный боевой ножище каптевалайнын. Отправился к Ейвелькею.

Лаз в землянку узкий. Никак не может пролезть Эрмечин: нож на спине мешает. Вытащил он его из чехла, взял в зубы и пополз на четвереньках.

— Ох, отдайте ему нерпу! — испугался добрый дядя. — Убьёт нас!

— Нет! — смело ответил Ейвелькей, подошёл к входному отверстию и смазал края нерпичьим жиром.

Показалась голова Эрмечина с ножом в зубах. Страшный, словно злой дух Реккен из подземного мира пришёл. Отшатнулась бабушка, закрыл лицо дядя. А силач пытается за края входа ухватиться, но скользят руки от нерпичьего жира, и скатывается он вниз. Кое-как ухватился Эрмечин за края, опёрся локтями. Но Ейвелькей схватил его крепко за руки и скрутил их.

Повисли как плети руки у Эрмечина.

— И-и-и! — взвыл он от боли и скатился вниз.

Пришла в себя бабушка, открыл лицо дядя. А Ейвелькей и говорит:

— Сварилось, наверное, мясо. Поесть надо.

— Давно нерпичье мясо не ела, — обрадовалась бабушка и стала выкладывать куски вкусно пахнущего мяса на деревянный поднос.

ВИИН ЫТРЕЧ. ПОКА ВСЕ.

СКАЗКА ДЕСЯТАЯ

Ейвелькей снова с друзьями встречается

Так вот. Победил Силача Ейвелькей. Люди удивляются, что это Эрмечин перестал охотников грабить, сидит в землянке и не показывается. Наверно, силу копит.

Прошла зима, весна, наступило лето. В тундре ягоды созрели. Подкочевали Каанто и Каанталин и поставили свою ярангу недалеко от селения анкалинов.

А через несколько дней показались на море длинные байдары, приехали люди, которые называли себя айванами. Увидел среди них Ейвелькей и знакомую девочку. Ещё красивее и наряднее показалась она ему.

Догадалась по голосу и девочка, что это Ейвелькей отнял у келе — злых духов мяч. Подошла она к нему и сказала:

— Ты всем людям тепло, свет достал и мне помог. Когда бросились за тобой злые келе, я от них тоже сбежала.

Обрадовался Ейвелькей гостям и стал приглашать их к себе в землянку. Целыми днями висит над очагом котёл. Бабушка еду варит, гостей досыта кормит.

Однажды увидели люди: человек из тундры бежит. Узнал Ейвелькей Каанталину и сразу догадался:

— Какую-то весть несёт.

— Стадо, стадо подошло! — сообщил Каанталин. — Праздник удачи будем справлять!

Хорошая, радостная весть! Угостили, как положено, Каанталину. Сели анкалины и айваны на байдары и поплыли вверх по реке к стойбищу чаучу — оленных чукчей.

Угощает Каанто каждого гостя, наделяет их тушами мяса и тонкими мягкими шкурками. А гости оставляют ему лахтачи подошвы, нерпичьи шкуры, свитки ремней и пыпыги — кожаные мешки с жиром.

Гремят бубны, благодарят добрых духов люди за удачу. А после состязаться в играх стали. Нет равных в беге Каанто

и Каанталину: бегут, как птицы по воздуху летят. Тогда айваны достали сырую моржовую шкуру, схватились за края руками и давай каждого желающего вверх подбрасывать. Ловко прыгают айваны, всё время на ноги встают, да ещё в воздухе несколько раз перевёртываются.

— Ну-ка, я, — вдруг вышел из толпы Эрмечин.

Встал Эрмечин на моржовую шкуру. Раскачали её айваны, подбросили силача вверх. Ловко прыгает Эрмечин, на ноги встаёт. Только не могут понять люди, почему это у него руки как плети висят, почему он в беге не состязается, в борьбу не вступает.

— Гок, гок! Есть ещё у меня ловкость и сила! — кричит Эрмечин, а сам глаз с маленького Ейвелькея не сводит.

Услышал эти слова Ейвелькей, подходит к шкуре.

— Теперь я, — решительно говорит он.

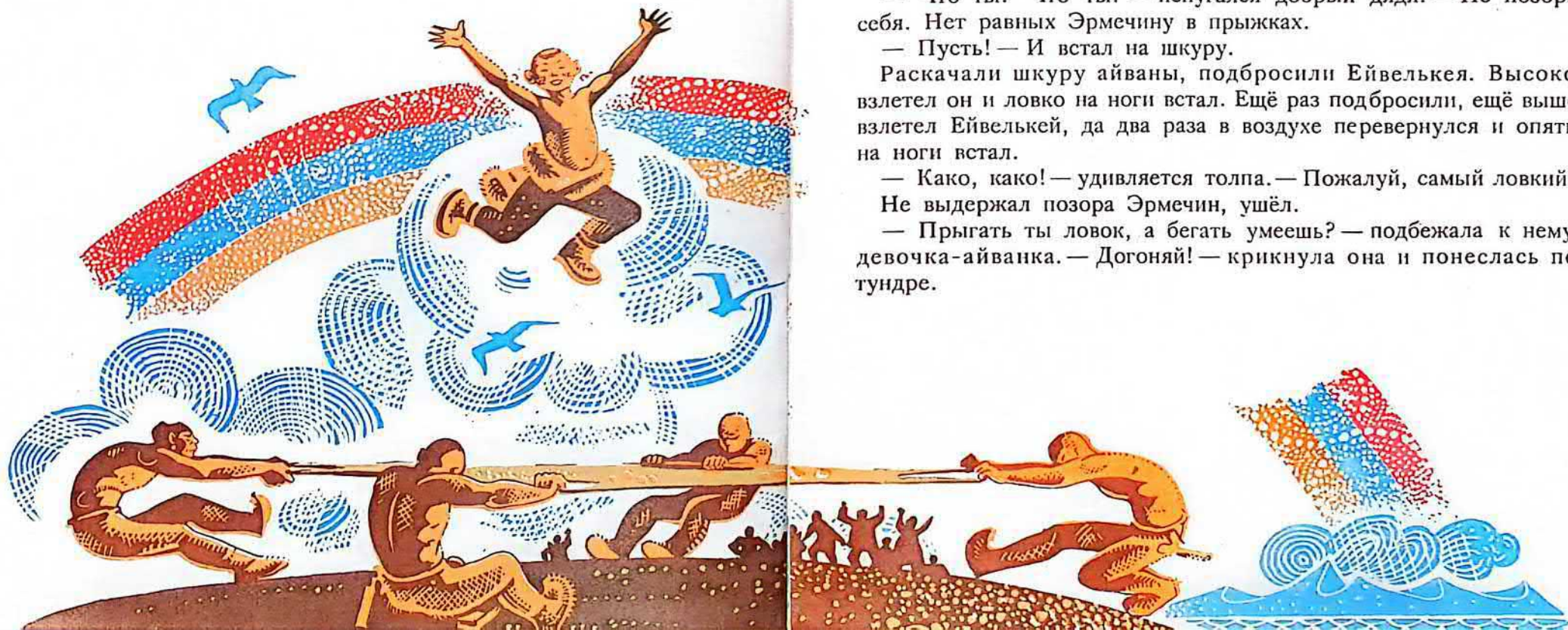
— Что ты? Что ты? — испугался добрый дядя. — Не позорь себя. Нет равных Эрмечину в прыжках.

— Пусть! — И встал на шкуру.

Раскачали шкуру айваны, подбросили Ейвелькея. Высоко взлетел он и ловко на ноги встал. Ещё раз подбросили, ещё выше взлетел Ейвелькей, да два раза в воздухе перевернулся и опять на ноги встал.

— Како, како! — удивляется толпа. — Пожалуй, самый ловкий! Не выдержал позора Эрмечин, ушёл.

— Прыгать ты ловок, а бегать умеешь? — подбежала к нему девочка-айванка. — Догоняй! — крикнула она и понеслась по тундре.

Бежит девочка, косы, как стрелы, вытянулись. Догнал её Ейвелькей и подзадоривает:

— Гек! Гек! Быстрее, быстрее! — и ловко с кочки на кочку перепрыгивает.

— Туда бежим! — показала девочка на галечную косу, уходящую в даль моря.

Добежали они до косы. И вдруг девочка вперёд вырвалась. Почувствовали её ноги привычную прибрежную полосу. А Ейвелькей отставать стал. Вязнут ноги в гальке, не находят опоры.

— Мы на галечных косах живём, — кричит девочка и мчится вперёд. — Здесь ты меня не догонишь!

Выбежали в тундру. И снова Ейвелькей впереди. Так и обгоняют друг друга: девочка быстрее бежит по гальке, Ейвелькей — в тундре.

Вернулись к стойбищу вместе.

— Како, како! Здорово! — воскликнули айваны. — Друг для друга предназначены!

Долго ещё люди в силе и ловкости состязались. Многих победил Ейвелькей. И пошла пыныль-весть, что сиротка Ейвелькей, которого теперь Тиркыетом зовут, самый ловкий, самый сильный, самый добрый.

С тех пор установилась большая дружба между чаучу, анкалинами и айванами. Каждый год стали они справлять праздник осеннего забоя оленей — вылгыкаанматгыргын. Чаучу со стадами к берегу моря подходили, анкалины и айваны на больших байдах приезжали.

И на этом празднике дружбы им было так же радостно и весело, как и от Солнца, Луны и звёзд, добытых когда-то Ейвелькеем для всех людей.

ЫТРЕЧ. ВСЕ.

Л 0762-017
М-149(03) — 73 24-73

Оформление Д. А. БРЮХАНОВА,
заслуженного художника РСФСР

Владилеп Вячеславович ЛЕОНТЬЕВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ХРАБРОГО ЕЙВЕЛЬКЕЯ

По мотивам чукотских народных сказок

Редактор Л. А. САВЕЛЬЕВА.
Художественный редактор Д. Д. Власенко.
Технический редактор В. В. Плоская.
Корректор М. И. Лисенкина.

Сдано в набор 12/III 1973 г. Подписано к печати 11/XI 1973 г.
АХ-01592. Формат 60×80/8. Бум. офс. № 1. Объем 5 физ. п. л.,
4,95 уч.-изд. л. Тираж 50 000. Цена 36 коп.

Магаданское книжное издательство, г. Магадан,
ул. Пролетарская, 15.

Областная типография Управления издательства, полиграфии и книж-
ной торговли Магаданского облисполкома, г. Магадан,
пл. Горького, 9.

© Магаданское книжное издательство, 1973